

Литературные знакомства

6 (93) 2024

Уфа. Памятник Салавату Юлаеву

Виктор Слипенчук

МАЛЕНЬКИЕ ПРЕВРАТНОСТИ

Рассказ

Это случилось в Каннах на вилле Du Soleil («Солнечная»). Жена сидела под навесом на лёгком сетчатом лежаке, подстелив махровое полотенце, а он купался в открытом бассейне. Точнее, расслабленно лежал на спине, крестообразно рас-

кинув руки, на поддерживающей на плаву поролоновой лапше (нудолсе).

— Смотри-смотри! — удивлённо воззвал он, указывая на голубовато-зелёную змейку, похожую на застывший обрезок согнутой в петлю

проволаки. Змейка проплыла над бассейном в сторону обширно-ветвистой каннской сосны, напоминающей маленький отдельный лес.

Нет, она ничего не увидела.

— Может быть — это нарушения в глазу наподобие плавающих чёрных пятнышек, — предположила она. — Или какие-нибудь другие маленькие превратности?!

— Какие превратности?!

— Маленькие, — весело усмехнулась она и пояснила: — Они как будто есть, а на самом деле их нет. Или наоборот — на самом деле есть, а их как будто нет.

— Не понимаю, — сказал он и стал объяснять. — По ходу полёта змейка вначале скрылась за крышей пристройки, а потом выплыла и утонула в густой кроне сосны. Такая вся из себя в водянистых кольцах. Её вполне может склунуть голодная чайка.

— Всё равно я ничего не видела, — сказала жена и пошла под навес, к своему лежаку. А он вновь устроился на нудолсе.

«С нею всегда так, — подумал он. — Скажет какую-нибудь ерунду, а потом не отступает, будто в этой ерунде скрыто что-то такое важное, чем никак нельзя поступиться... Вырастили, поставили на ноги детей, уже внуки скоро появятся, а ей всё — маленькие превратности, которые как будто есть, а на самом деле их нет. Или наоборот — на самом деле есть, а их как будто нет. Что она имеет в виду?! Даже думать не хочется. Наверное, они так долго вместе, что уже надоели друг другу.

Надо бы им на какое-то время расстаться, чтобы она на себе прочувствовала эти “маленькие превратности”», — заносчиво подумал он.

По воздуху, медленно покачиваясь, подплыла пушинка, очень похожая на шарик одуванчика — правда, с одной стороны изрядно разорванного. Он заглянул внутрь. Длинные семена, на которых крепились лёгкие зонтики парашютов, были похожи на строительные стропила.

Он влез в пушинку. Она заметно качнулась, но за счёт хитроумных стабилизаторов вновь обрела устойчивость. Пространство пушинки (довольно обширное) напоминало конструкцию какого-то шарообразного корабля, в котором строительные стропила с разорванной стороны хотя и были свалены в кучу, составляли с прозрачным тросом некую связанную воедино гирлянду.

«При желании разорванную часть можно без особого труда восстановить, — подумал он. — Пушинка станет менее воздушной и прозрачной. Зато проявятся её скрытые возможности».

Какие возможности?! Им овладело беспокойство, словно предстояло путешествие, которого он не планировал. Более того, сама мысль о появлении скрытых возможностей показалась странной, прилетевшей откуда-то извне.

Он присел на что-то наподобие небольшого гладкого ящика и вдруг почувствовал, что всё вокруг зашевелилось, задвигалось, и стропилы одна за другой стали поднимать-

ся в рост и равномерно заполнять разорванную часть шарика.

Он посмотрел на жену, вскочившую с лежака. Её испуганный оклик был неслышен, но отчётливо угадывался по ищущему взгляду, пробежавшему по бассейну и панически метнувшемуся под навес.

Жена торопливо скрылась в пристройке.

— Господи, что происходит?!

Он не знал, что предпринять. Длинные и чёрные семена, похожие на стропилины, поднимались редкой шеренгой и словно по расчёту на «первый-второй» выдвигались на дистанцию вытянутой руки.

— Господи, что происходит?! — вновь воззвал он — и вновь не услышал собственного голоса.

Слава богу, что эти стропилины устанавливаются через промежутки. Он взглянул вверх и понял бессмысленность надежд. Всё-таки это семена какого-то неведомого одуванчика, а никакие не стропилины.

Отсоединившись от гирлянды, они выбрасывали вверх зонтики парашютов, которые, смыкаясь, уже закрыли своим клубящимся облаком некоторую часть разрыва.

Ему стало не по себе. Сейчас пушинка восстановится — он увидел неумолимое будущее.

— Господи, что происходит?! — донёсся испуганный возглас жены, и, рванувшись на возглас, он почувствовал, что бултыхается в воде, а рядом плавает губчатый нудолс, по которому, едва касаясь линии соприкосновения, катится полностью

восстановленный как бы шарик одуванчика.

Шарик катился в его сторону, и он злорадно подумал: «Попался?!» И занёс руку, чтобы прихлопнуть его. Шарик внезапно остановился и чуть-чуть присел, словно другого решения и не ждал. Неожиданно для себя он передумал и, набрав полные лёгкие воздухом, изо всех сил дунул на шарик, машинально отметив, что после ковида лёгкие уже не те.

От его рассерженного дуновения зонтики напряжённо затряслись, и на шарике, напоминающем одуванчик, образовался пролом — очень похожий на тот, через который он залезал внутрь.

Это что, приглашение возобновить «маленькие превратности»?!

Неприятный холодок пробежал по спине. Он заглянул внутрь шарика. Ему показалось, что за кучей семян, похожих на стропилины, кто-то есть — присел на гладкий ящик, на котором прежде сидел он. На какое-то мгновение он увидел свисавший конец махрового полотенца — но этого не может быть!..

Он стал внимательно осматривать пространство так называемого «одуванчика». Он надеялся по какому-нибудь предмету или косвенному признаку угадать — кто бы там мог быть?!

Круглая комната, похожая на изолированную каюту. Пол устелен мягким синеватым поролоном. В центре — круглый стеклянный стол с монитором, как бы висящем в магнитном поле. Сверху от монитора отходят телескопические антенны,

на концах которых, словно светлячки, фосфоресцируют позванивающие светодиоды. В полукруге стола, обращённого к разорванной части пушинки, три кресла — принайтованы к полу (точнее, к палубе).

Всё-таки, наверное, это рубка космического корабля. Но он никогда не был на космическом корабле. На мягком полу увидел записную книжку и ручку «Паркер» стального цвета. Такая книжка и такая ручка были у него лет двадцать назад. Они лежали на полу настолько обособленно, что невольно чувствовалось — их кто-то уронил. Причём уронил только что.

Его охватило волнение — как такое может быть?! Он посмотрел под навес — жена растерянно оглядывалась по сторонам. Увидев его, воскликнула:

— О господи, где ты был?! Я чуть с ума не сошла — ни с того ни с сего пропал на ровном месте.

— Иди сюда, — сказал он, стараясь не выдать своего волнения.

Она, не раздумывая, прыгнула в бассейн и очень цепко схватила его за руку чуть выше локтя.

— Видишь? — спросил он, указывая на примятый и разорванный шарик. — Я только что сидел там... Внутри.

Она внимательно посмотрела на него. Он знал этот её взгляд, не относящийся к предмету разговора, потому что предмет разговора и взгляд были несравнимы. Предмет разговора всегда казался слишком незначительным. Но он не был незначительным.

Они мчались сломя голову из посёлка Черноморское в Евпаторию. Он сидел за рулём, а она рядом дремала. Когда на колдобине их изрядно трягнуло, она даже чуть-чуть вскрикнула, он спросил:

— Как ты не боишься спать — вдруг какая-нибудь смертельная авария?!

Она очень внимательно посмотрела на него. Похлопала по плечу и, положив на него голову, ласково сказала:

— Мы погибнем вместе.

Он почувствовал, что и сейчас нечего тревожиться — бывает, худшее не так уж и плохо, если посмотреть на худшее её глазами. И всё-таки её приоритеты иногда выводят из себя. С другой стороны, благодаря им она ему понятнее и роднее. А раньше, бывало, намажется, накрасится — просто до неузнаваемости...

Она отпустила его руку. Толчая всплескивающей воды внезапно толкнула его. Он попытался ухватиться за нудолс, но оступился. Вынырнув, спросил:

— Ты где?

— Ну, где я могу быть?! — сказала она, выглядывая из одуванчика через пространство разрыва.

— Ты там?! — удивился он.

— А где я должна быть?! Залезай! — потребовала она.

Он стал залезать, однако, несмотря на стабилизаторы, регулирующие устойчивость шарика, у него ничего не получалось. Поведение посудинки напоминало родео (скачки на дикой лошади). Глядя на воду,

выплёскивающуюся из бассейна, он подумал, что плеск воды вызван её резким прыжком в воду.

Нет-нет, прыжок ни при чём.

Он вдруг почувствовал, что в нестройное колебание воды вмешивается что-то постороннее, невидимое, на что не успевают реагировать даже хитроумные стабилизаторы. Особенно остро ощутил это, когда оказался внутри шарика.

Она сидела на гладком ящике, подстелив полотенце, на котором сидела на лежаке. Откуда оно взялось?! Мелькнула мысль о превратностях и приоритетах, которыми она почему-то не может поступиться, — прямо какой-то рок. «Вот бы сейчас этот загадочный одуванчик запечатал её, — подумал он отвлечённо с некоторым удовольствием. И тут же неведомо чего испугался. — Нет-нет, если такое вдруг случится, то лучше всего нам быть вместе».

Мысль показалась настолько нескончаемо длинной, что он почувствовал, что она, удлиняясь каким-то образом, удлиняет и время. Именно поэтому хитроумные стабилизаторы реагируют на всё вокруг с опозданием — отстают.

Он шагнул к ближайшему креслу возле стола и вдруг резко остановился, вспомнил о записной книжке и ручке на полу. Всё пространство пушинки устремилось вперёд, а сама пушинка вдруг резко остановилась, словно села на мель. Он отметил, что записной книжки и ручки не было. Но потом, когда пространство с некоторой задержкой

отыграло назад, он увидел в мягкой складке поролона поблёскивающую ручку и рядом — записную книжку.

— Ну вот скажи мне — зачем мы здесь? — спросила она.

— Не знаю, это необъяснимо.

Он сел в крайнее кресло, положив ручку и блокнот на стол прямо перед собой.

— Ты же всегда всё мог объяснить. Помнишь, после посещения раскопок в Великом Новгороде ты сказал, что на Земле до Атлантиды было ещё несколько цивилизаций. Но мы не находим их присутствия, потому что прежние цивилизации были экологически чистыми и, как более высокоразвитые, после себя не оставляли следов. Потом ты уверял, что мы ищем не то и не там, потому что в основе нашего восприятия — материальные предметы. А надо искать сопутствующие раскопкам кладези мыслей, которых полно, но мы их не улавливаем...

— Мне кажется, что кроме нас здесь кто-то есть, — сказал он.

— Не пугай! Можно я сяду в твоё кресло? Вдруг в том, что рядом, кто-то уже сидит?!

Они переглянулись.

— Садись, — сказал он и, передвинув блокнот с ручкой на центр стола, встал, чтобы пересесть.

И опять колебания шарика не совпали с его движениями, и опять он подумал, что виною тому жена, раньше времени вставшая с гладкого ящика. Но она не вставала. Он это точно знал, но почему-то поставил это в вину ей. Почему?!

— Осторожней, — предупредила жена, наблюдая за его неуклюжим перемещением. — Такое впечатление, что вмешивается кто-то невидимый.

— Ты тоже заметила? — невольно спросил он, держась за спинку кресла, в которое намеревался сесть.

— Ещё бы! — сказала она, и они снова переглянулись.

Он подумал, что выдал себя, и теперь все его ухищрения напрасны. Перед кем?!

— Твоё место свободно, — сказал он, садясь в центральное кресло.

— Подожду, — сказала она. — А ты посиди между ними.

— Почему «между ними», разве их двое? Стульев — три.

— Их трое, и этот третий вносит разлад — ты занял его место.

— Послушай, — сказал он, почувствовав прежний неприятный холодок, пробежавший по спине. — Сядь рядом. Нам надо держаться вместе, потому что твои «маленькие превратности» не предвещают ничего хорошего.

— Почему мои? — сказала она, не скрывая неудовольствия. — Кажется, здесь ты побывал прежде меня. Думаешь, я не помню твою ручку «Паркер» и твою демикотоновую записную книжку двадцатилетней давности, которые ты вдруг потерял перед уходом в армию. Прекрасно помню, как мы в квартире перевернули всё вверх дном и ничего не нашли.

— И вот теперь всё это — здесь, — сказал он задумчиво. И они опять переглянулись.

Он открыл записную книжку.

«Все предметы, и одушевлённые, и неодушевлённые, имеют имя и сопутствующую предмету мысль. Предмет можно уничтожить, а сопутствующую мысль — никогда. Настанет время (это время уже не за горами), и мы научимся находить и извлекать из окружающего нас эфира кладези мыслей, сопутствовавших материальным предметам. Мыслей, которые оставлены здесь, на Земле, ушедшими цивилизациями. Слова-ключи, сказанные в нужное время и в нужном месте, откроют взору великие изобретения, которыми мы сможем пользоваться как своими. Достаточно будет произнести «Сим-сим, откройся» — и кладези богатств, находящиеся не в подземельях, а рядом, в ноосфере Земли, откроются нам. Надо искать слова-ключи, подобные магическому «сим-сим...», которые воссоединят всё, что было и что есть, в единую неразрывную цивилизацию. Цивилизацию Homo sapiens.

— Постой-постой, — перебила она. — Я вспомнила, почему мы искали записную книжку и «Паркер»! Ты говорил, что некоторые слова-ключи тебе открылись, и ты записал их в этой демикотоновой книжке — так ты её называл. Поэтому мы и перевернули всё вверх дном.

— Ты это точно помнишь? — усомнился он.

— Ну, как такое забыть?! Тебя забирают в армию, а я на шестом месяце беременности. Ты одной рукой обнимаешь меня, а другой пишешь

в этой демикотоновой книжке слова-ключи, которые тебе якобы открылись. И повторяешь, повторяешь, что любишь меня, а я реву в голос...

— Записывая слова-ключи, я, наоборот, произносил их вслух?

— Не знаю. Мне тогда было не до чего...

— Прошу, садись рядом и, пожалуйста, вспомни, — осторожно попросил он, опасаясь потревожить того, невидимого.

Но всё уже произошло. Она не успела пересесть. Пространство вокруг зашевелилось, задвигалось. Семена, похожие на строительные стропила, как солдаты, поочерёдно поднимались в рост и, соответствуя овалу шарика, выстраивались полукругом. Это настолько точно напоминало его первое проникновение в пушинку, что он поверил, что сейчас всё наладится.

— Да-да, наладится, — в угодую своему чувству весело и громко сказал он и, не услышав собственного голоса, самодовольно усмехнулся.

Он ожидал, что сейчас жена испуганно воскликнет: «Господи, что происходит?!» — И они окажутся в бассейне. То есть всё вернётся на круги своя. В нетерпении повернулся к ней и обомлел: выражение ужаса запечатлелось на её лице. Она смотрела как бы сквозь него. Подчиняясь её взгляду, он оглянулся — и словно окаменел.

Семена-солдаты двигались не восстанавливать разрыв одуванчика, а, став полукругом сразу за креслами, они накрывались своими

зонтиками парашютов и словно бы растворялись в них. На экране монитора возникла неровная губчатая петля из водянистых колец, напоминавшая голубовато-зелёную змейку. Ракурс сместился, и он увидел как бы под окуляром микроскопа деление одуванчика, очень похожее на деление молекулы простейшего организма. Всё вокруг затрещало, заскрежетало с глубинным звуком рвущихся струн. Он опять повернулся к жене, машинально отметив, что разрыв шарика не восстановлен и они вполне могут покинуть пушинку.

Мысли теперь были короткими, быстрыми и ещё какими-то опережающими. Нет-нет, покинуть вдвоём так называемый «шарик» им не удастся. Между ними воздвигнута стеклянная стена с воздушными кольцами, напоминающими водянистые кольца пролетевшей голубовато-зелёной змейки.

Они разом подбежали к разделяющей стене и разом почувствовали её непреодолимость. «Вот тебе и “маленькие превратности”», — подумал он с прежним необъяснимым удовольствием и, не пугаясь того, невидимого, а как бы бравируя перед ним, очень громко сказал:

— Сейчас возьму и выйду из шарика, а она пусть остаётся здесь, в этом одуванчике.

«Она», конечно, не могла слышать его. Он сам не услышал своего голоса, но почувствовал охватившее её волнение. И взглядом, и жестами она призывала открыть демикотоновую записную книжку и найти

слова-ключи. Она верила, что замки раскроются, и стеклянная стена расщепится.

Он перелистнул первую и вторую страницы, на которых излагалась возможность единой и неразрывной цивилизации Homo sapiens, а далее всюду, на каждой странице были слова, написанные заглавными буквами: Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!

Двадцать лет назад, уходя в армию, он действительно любил её всем сердцем.

Он поставил стоймя раскрытую записную книжку и подпёр её ручкой «Паркер», чтобы жене было удобней прочесть повторяющиеся слова. И не осторожничая, твёрдым шагом приблизился к разрыву в пушинке. В глубине души он надеялся, что какая-то необъяснимая неведо-

мая сила остановит или хотя бы задержит его.

Ничто не остановило и не задержало. Уже находясь в бассейне, услышав над головой голодный крик чаек, он почувствовал, что проваливается в бесконечную пустоту. Да, сейчас он точно знал, что без жены его жизнь не имеет смысла. Он поднял глаза к небу, и в ту же секунду она оказалась в его объятиях.

— Ты?! — удивился он.

— Я, — ответила она.

— Ты прочитала слова-ключи из демикотоновой книжки?

— Ну, зачем их читать?! Они здесь, — она легонько стукнула указательным пальцем по его груди. — И, пожалуйста, ни о чём не спрашивай — всё равно я ничего не видела.

28.01.2023, Москва

ЧИТАЯ ПРОЗУ ВИКТОРА СЛИПЕНЧУКА

Визитная карточка

Виктор Слипенчук — писатель, что называется, от жизни. От земли. Что предопределено уже самой его биографией: крестьянский сын, он натруженно ходил по ней и смаличку, и в молодости, будучи специалистом сельского хозяйства, а впоследствии немало лет ходил и по морям-океанам, став одним из руководителей крупного рыболовецкого экипажа. Профессиональный литератор, известный прозаик и поэт, окончивший в своё время Высшие литературные курсы при Литин-

ституте имени А. М. Горького — его произведения населены сильными характерами, драматическими судьбами людей труда, незаурядными творческими личностями. Рассказ же, который печатается сегодня, печальный и тонкий, свидетельствует, что зрелое творчество писателя всё больше тяготеет и к третьей великой стихии — к небу, душе, к вечным вопросам нашего бренного бытия.

28.01.2023, Москва

Георгий Прякин,

*главный редактор издательства
«Художественная литература»*

Отзывы из Книги гостей

Уважаемый Виктор Трифонович, здравствуйте!

Прочитала Ваш рассказ «Маленькие превратности». Он просто сумасшедший в самом хорошем смысле этого слова, я даже не знаю как подобрать слова, но очень хочется сразу поделиться с Вами впечатлением. Это так ярко, фантастично, безумно, непонятно и в то же время так понятно и ясно. Именно то, что больше всего нравится в Ваших произведениях. Тут всё! Что-то от Кафки, и что-то пугающее, тревожное — и в то же время всеобъемлющее и всё объясняющее. Как сама жизнь, как сама любовь. Спасибо большое за такой невероятный рассказ. Очень современный и захватывающий. Рассказ — погружение в потрясающую реальность.

С уважением — **Ольга Яснопольская**. 13.03.2023, Москва.

Уважаемый Виктор Трифонович!

С огромным удовольствием я прочёл рассказ «Маленькие превратности». Хочу сказать, что рассказ является совершенно революционной попыткой осознать многомерность нашего мира.

Это новое слово в набирающих в последнее время силу тенденциях понять теорию струн, своё место и роль в этой системе времени. Используя аллегории — «летающая змейка», «стропила от одуванчика» — автор призывает нас к тому, чтобы подняться от линейного понимания бытия и переместить свой

взгляд из плоскости горизонтальных причинно-следственных связей в плоскость вертикального взаимодействия — от земли к небу.

В этой формуле время останавливается, по версии автора — оно не играет роли. И вечными ценностями, вне времени и пространства, остаются любовь и поиск ключевых слов для её обретения.

С уважением, **Николай Равкин**
14.03.2023, г. Баку

Здравствуйтесь, уважаемый Виктор Трифонович!

Прочувствовала рассказ «Маленькие превратности» через призму личных воспоминаний. Перед моими глазами вновь встала синь моря, яркое солнце, тень реликтовых сосен. У каждого предмета есть не только название, но и мысль — по-моему, это открытие века! И даже целое новое направление философии: мир глазами одуванчика, берёзы, моря... Но рассказ, конечно, о любви. Я искренне почувствовала теплоту отношений двух любящих сердец.

Любовь, пронесённая с юности через всю жизнь, если её беречь, даже пытаясь зафиксировать записями в «демикотоновой книжке», становится вечной!

С нетерпением ждём Ваших новых произведений!

Крепкого здоровья и вдохновения!

С уважением, **Наталья Равкина**
14.03.2023, Москва

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СУДЬБЫ

Лола Звонарёва

ОГОНЬ МОЛЧАНИЯ, СЖИГАЮЩИЙ ТАЛАНТЫ

О повести Виктора Слипенчука «Огонь молчания»

Повесть Виктора Слипенчука «Огонь молчания» представляется мне на редкость современной. Сегодня в осмыслении нашей истории, всего происходящего в последней четверти XX века в России, в период позднего советского времени, мы видим две взаимоисключающие тенденции. Первая — восторженная ностальгия по советским временам, особенно периода хрущёвской оттепели или перестройки. Вторая — злобное очернение и зачёркивание

всего хорошего, что было в те далеко не однозначные времена.

Виктору Слипенчуку удалось нарисовать по-настоящему объективную, живую и выразительную картину ушедшего в небытие советского мира, где было немало хорошего, просто невообразимого сегодня. Его героям читатель начинает сочувствовать, сопереживать и в то же время — понимать тупиковость и неестественность ситуации, в которой оказался достойный и талантливый человек.

Высшие литературные курсы при Литературном институте имени М. Горького... Уже зачисление туда рассматривалось в советское время любым творческим человеком как крупная жизненная удача. Герою повести «Огонь молчания» Валерию Антоновичу Губкину повезло — он прошёл конкурс на ВКЛ: «везёт ему, его отмечает судьба». Из окна комнаты в общежитии он любуется Останкинской башней и одновременно работает над новым текстом, когда в его жизни появляется молодой человек, напоминающий Дзержинского. Он интересуется годами, когда по рекомендации партийных органов молодой писатель работал на Чумышской Всесоюзной ударной стройке Коксохим и рассказывал в своих очерках, как когда-то советовал всем молодым литераторам А. М. Горький, на страницах газеты «Молодёжь Приобья» о трудовой доблести и проблемах этого рабочего коллектива.

Кстати, именно в это время независимые следователи Гдян и Иванов пересажали в боевом запале за взятки половину труженников Узбекистана, обрекая на голодную смерть многодетные семьи хлопкоробов, по заведённой традиции годами отдававших часть доходов своим начальникам.

Но здесь, на первый взгляд, совсем другая ситуация — молодой талантливый литератор искренне ответил на партийный призыв. Он был мобилизован родной партией — «на свой БАМ — Чумышский Коксохим». Валерий искренне предан

своему рабочему коллективу, чьи заботы хорошо понимал изнутри и умел ярко рассказать о них многотысячному читателю «Молодёжи Приобья», организовавшей в Чумышке корреспондентский пункт. По устной (за это и зацепятся ушлые следователи) договорённости, корреспондент-писатель получал зарплату не в газете, а на комбинате, числясь на различных рабочих должностях. Всё, казалось, продумано и сформулировано с самых высоких трибун.

С энтузиазмом молодости бросился Валерий Губкин реализовывать этот достойный и полезный стране план, отдал ему немало сил и времени: числился на Коксохиме, а работал пером. И все вокруг находили его труд необходимым и нужным. А теперь, спустя шесть лет, его за эту же напряжённую и честную творческую деятельность, воплотившуюся в статьи и книги о работе Коксохима, хотя... привлекать к уголовной ответственности и судить. Требовать возврата в бюджет десяти тысяч рублей, выплаченных ему за те два годы, когда он вместе с рабочими ночевал в вагончике, как и договаривались руководители газеты и завода, и писал, писал, писал о родном комбинате... Теперь его скромная заслуженная рабочая, а чуть позже — бригадирская зарплата рассматривается как украденные у государства средства «в особо крупных размерах»...

И те самые люди, которые когда-то принимали его на работе, поддерживали и приглашали — совсем

не торопятся защищать и оправдывать его, незаслуженно обвиняемого в хищении государственных денег и якобы незаконно получаемой на Коксохиме зарплаты.

Равнодушие к чужой беде — «огонь молчания» — сильных мира сего на наших глазах неумолимо разрушает, а по — сути медленно убивает яркого, талантливого человека.

Валерий Антонович пытается защититься от надвигающейся на него махины советского псевдоправосудия. Его поддерживают любящая жена, маленькая дочка, но каток, запущенный выслуживающимися чиновниками от прокуратуры, не остановим. И у скромного, живущего от зарплаты до зарплаты литератора описывают почти нищенскую обстановку — полки, книги, самодельный стол... Рассылают обличительные письма в газеты и в Литинститут. Руководство Литинститута стремится остановить зарвавшихся провинциальных чиновников, в запале остервенелого крючкотворства травящих талантливого и честного человека.

В нужную минуту появляется остроумный фельетон в «Неделе», защищающий молодого писателя от злых бюрократов. Но, как известно, все беды мира проходят через сердце поэта. И это писательское сердце не выдерживает. Финал повести только кажется открытым.

Система, в которой слепое следование букве закона оказывалось гораздо важнее живого и талант-

ливого человека, преданного своей стране, не просто душила и ранила, но последовательно убивала оно.

Повесть написана талантливой и профессиональной рукой, основывается на глубоко пережитом, реальном материале. За многими персонажами стоят узнаваемые прототипы. Хорошо передана творческая и дружелюбная атмосфера, царящая на Высших литературных курсах. Обаятельна фигура общей ВЛКашной мамы — все, кто учился на ВЛК, вспоминают её и сегодня — зоботливая, добрейшая Нина Аверьяновна, а также тогда только пришедшего на работу куратором ВЛК молодой поэт Валентин Сорокин, не забывавший о своём прошлом ставлара.

Виктор Слипечук умеет несколькими штрихами нарисовать выразительный, яркий образ: «Большие воловьё глаза, подёрнутые хмельной поволокой, бессмысленная улыбка, расслабленное дёрганье головой, каждый раз словно срывающейся на грудь...»

...Ну а насколько часто повторялись подобные ситуации в России, когда «огонь молчания» сжигал таланты, нам показала созданная уже в XXI веке программа молодого критика и поэта Бориса Кутенкова «Они ушли. Они остались», представляющая несколько лет подряд в московских библиотеках и музеях талантливых поэтов и прозаиков, безвременно покинувших этот мир в 80–90-е годы прошлого века из-за равнодушия и недооценки окружающими их самобытной одарённо-

сти, стремления быть услышанными и нужными своей стране, своим читателям.

И таких загубленных талантов оказалось так много, что уже вышло несколько томов этой антологии «Они ушли. Они остались» с ком-

ментариями критиков и литературоведов. Так и хочется поставить к ним эпитафией цитату из Евангелия от Матфея, которую Виктор Слипичук предпослал повести «Огонь молчания»: «Вот, оставляется вам дом ваш пуст».